

Для систематизации работы студентов в период практики и облегчения составления отчета каждому студенту выдается дневник, где он фиксирует ежедневную работу. Долгое время эти отчеты составлялись формально и представляли собой лаконичные записи проделанного за день. Несмотря на то, что практика носит научный характер, отчеты не являлись отчетами о научной работе студентов. В отчет необходимо включить следующие разделы: 1) история края, т.е. различные легенды, предания; 2) подробный отчет обо всей работе с кратким описанием особенностей говора; 3) политико-массовая работа в период практики; 4) выводы и предложения.

Материал в переписанном виде сдается руководителю в последний день практики, так как все исправления и уточнения вносятся студентами на месте при общении с представителями говора. После успешного завершения практики студенты получают зачет. Собранный материал хранится на кафедре в виде тетрадей с текстами и карточек, представляющих большую научную ценность. Краткие отчеты об экспедиции помещаются в районных газетах, многотиражке „Падомью студентс“.

Итоги практики ежегодно подводятся на заседании кружка СНО, где слушаются научные сообщения студентов о результатах практики. В 1962/63 уч. г. впервые проводится объединенная научная студенческая конференция трех университетов республик Прибалтики по итогам диалектологической практики этого года.

В дальнейшем на материале диалектологических экспедиций пишутся студенческие курсовые и дипломные работы, эти материалы используются при чтении курса по русской диалектологии и в научно-исследовательской работе преподавателями и аспирантами кафедры и других вузов (Даугавпилс, Киев и др.). В свое время материалы экспедиций посылались в Ленинградский филиал АН СССР, с диалектологической работой кафедры знаком сектор диалектологии Института русского языка АН СССР. В настоящее время на основе собранных материалов на кафедре готовится методическое пособие для учителей школ по методике преодоления диалектных ошибок в речи местных учащихся. В печати находится Краткий обзор русских говоров Латвийской ССР², составленный на основе систематизации собранных материалов и представляющий некоторые итоги проделанной работы.

ОБ ИЗУЧЕНИИ РУССКИХ ГОВОРОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЭСТОНСКОЙ ССР

Т. Ф. МУРНИКОВА

Относительно русских говоров бывшей Лифляндской губернии в дореволюционной печати встречаются лишь небольшие заметки, из которых наибольший интерес представляет, пожалуй, статья В. А. Бульчева, помещенная в IV томе РФВ (за 1882 год). Более-менее планомерное изучение говоров и фольклора русского населения Эстонии относится к периоду существования буржуазной Эстонии, когда силами студентов и преподавателей русского отделения Тартуского университета было собрано около 130.000

² Труды Инст. языка и литер. АН Латв. ССР, т. VIII.

рукописных страниц русских сказок, пословиц, поговорок и песен, хранящихся в настоящее время в архивах Литературного музея г. Тарту (24 русских тома). Собранные за этот же период времени и хранившиеся в архивах семинарской библиотеки Тарту диалектные материалы, к сожалению, погибли во время последней войны, и поэтому собрание диалектного материала пришлось начинать заново. В течение первых десяти лет (1948—1958 гг.) были обследованы по Программе собирания сведения для составления атласа русского языка почти все значительные населенные пункты местного русского края. Эти материалы хранятся сейчас на кафедре русского языка ТГУ и служат первоисточниками для курсовых, а также дипломных работ студентов-русистов. Так, на основании личных наблюдений и собранных в экспедициях данных написаны дипломные сочинения о предупредном вокализме, особенностях склонения в местном русском говоре, о словесном ударении и т.д.

В то же время на основе собранных еще в довоенный период архивных фольклорных материалов пишутся работы, посвященные анализу языка и стиля местного фольклора (язык и стиль сказок, лирических песен, свадебной поэзии, частушек, поговорок и пословиц Причудья и т.д.). К сожалению, этот ценный в фольклорном отношении материал в большинстве случаев не совсем удовлетворителен с точки зрения диалектной, т.к. или записан строго орфографически, или затранскрибирован лишь отчасти. Вместе с тем, использовать его в качестве дополнительного материала крайне необходимо, в особенности при изучении местной диалектной лексики.

Изучение русских говоров на территории ЭССР в настоящее время протекает в двух планах:

1. Обследуются русские населенные пункты, сохраняющие до сих пор как этническую, так и языковую самостоятельность, т.е. изучается язык так называемого русского края Эстонии.

2. Наряду с этим изучаются и участки эстонско-русского и русско-эстонского смешения, представляющие несомненный интерес с точки зрения финско-славянских языковых взаимоотношений. Жители таких смешанных районов в буржуазное время назывались „полуверцами“, причем северо-западная полоса смешения называлась краем йизакских полуверцев (по названию населенного пункта Йизаку), а южная полоса — краем печерских полуверцев, или сетов (по названию г. Печеры).

Работа по обследованию как русского края Эстонии, так и участков смешения проводится в основном лишь в порядке летних научных экспедиций студентов и преподавателей ТГУ. В настоящее время можно считать, что благодаря ежегодным студенческим экспедициям удалось обследовать грамматический и фонетический строй значительной части русского края Эстонии. Собрание лексики только начато и является целью диалектологических экспедиций в будущем.

Что представляет собою этот русский край Эстонии?

Территория русских поселений в Эстонии тянется вдоль границы соседней русской территории, образуя ленту чисто русских сел и поселков по западному и северному берегам Чудского и Псковского озер и по пра-

вому берегу реки Наровы. Если в буржуазной Эстонии в свое время насчитывалось до 100.000 русского населения, то подавляющее большинство их проживало именно в этой полосе русских селений, причем русское население городов Эстонии формировалось в основном опять-таки из резервов этих окраин. Отсюда наезжали на сезонные работы, и позже переселялись на постоянное жительство в города Эстонии специалисты по строительному делу (каменьщики, плотники, печники и т.д.).

Любопытно отметить, что жители русских окраин Эстонии и в народном сознании подразделялись до последнего времени на три в каком-то отношении отличных и обособленных группы. Эта группировка, а также обособленность, имеет, несомненно, серьезные исторические причины, свои глубокие исторические корни, объясняющие отличительные особенности обычаев, нравов, духовной культуры и, в частности, местного говора каждой из этих трех групп.

Так, совсем особую группу с точки зрения этнического и исторического формирования образуют древние русские поселения по реке Нарове с такими чисто русскими древними названиями, как Князь-Село, Верхнее-Село, Ольгин-Крест, Пёреволок, Степановщина, Скамья, Городёнка и т.д. Вполне понятно, что и говор принаровцев представляет собою нечто отличное от других двух групп: здесь мы имеем дело в основном с языковыми особенностями древней новгородской речи и с переходным типом оканья-аканья.

Причудский край — это русские села по западному и отчасти северному побережью прославленного Чудского озера, имеющие свою историю и свою судьбу. Здесь находится основная масса старообрядческих поселений на территории Эстонии. Наиболее близким диалектом для старообрядца-причудца является, по всей вероятности, говор древней псковской земли, но в его речи сказывается влияние и целого ряда других диалектов.

Нечто совсем особое — по сравнению с принаровским акающе-окающим и причудским акающим-якающим (с намечающимся переходом к иканью) говором — представляет собою печерский диалект. Попадая на территорию этих говоров, мы безошибочно можем уже утверждать, что это псковщина: здесь и псковское аканье-яканье, и рудименты цоканья, шепелявенья, элементы дцеканья и целый ряд других псковских фонетических и морфологических особенностей. Вполне естественно, что этот участок древней русской земли, принадлежавший одно время Эстонии, по последнему административному делению был отрезан от Эстонии и присоединен к Псковской области. Специфика этого говора также подтверждает справедливость произведенного нового деления.

Если говорить о степени изученности русских говоров в пределах Эстонской ССР, то следует признать, что в настоящее время лучше всего обследованы причудские поселения и причудские говоры. Хуже изучены принаровские окающе-акающие говоры, и поэтому сюда необходимо направлять дополнительные студенческие экспедиции в ближайшие годы.

Еще слабее обстоит дело со степенью изученности территории русско-эстонского смешения. Здесь прослеживается два параллельных процесса этнической и языковой ассимиляции: в пунктах с преобладающим русским

населением происходит „обрусение“, в то время как в эстонской среде мы наблюдаем обэстонивание русских, сказавшееся особенно заметно со второй половины XIX в. в связи с переходом русских из православия в лютеранство. Они „крестились в эстонскую веру“, что приводило и к переходу в эстонскую нацию. Этот процесс обэстонивания, ассимиляции еще не закончился полностью, но он на наших глазах заканчивается, причем местные эстонские говоры, создавшиеся на базе русского языка, имеют ряд весьма любопытных языковых черт субстратного русского происхождения.

О ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В НЕМЕНЧИНСКОМ РАЙОНЕ, ПРОВЕДЕННОЙ КАФЕДРОЙ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ВГПИ

И. КАШКАРОВА, М. ЛЕМБЕРГ

На IV Международном съезде славистов и на последующих очередных научных конференциях по вопросам диалектологии подчёркивалось значение работы по сбору диалектологического материала для составления общеславянского лингвистического атласа.

Диалектологическим сектором Института языкознания Польской Академии наук¹ был составлен и издан специальный вопросник по различным разделам лексики польских говоров².

При составлении вопросника были использованы ранее изданные работы, например, „Вопросник для изучения народной лексики из области материальной культуры“, составленный Юзефом Тарнацким³; материалы диалектологических экспедиций, проведённых в 13 пунктах Польской Народной Республики; „Вопросник к малому лингвистическому атласу польских говоров“ (602 вопроса) и другие исследования польских лингвистов.

В предисловии к настоящему вопроснику профессор В. Дорошевский отмечает: „Нашей основной задачей является стремление к исследованию не только самих языковых фактов, будь то из области лексики, грамматики или фонетики, но также исследование связи этих фактов с общественно-историческими явлениями, иначе говоря, стремление к исследованию истории-говора в тесной связи с историей среды. Это, конечно, требует сотрудничества языкознания с этнографией, к чему в основном в своих трудах стремился уже доктор Тарнацкий“⁴. Поэтому при составлении вопросника были использованы также работы польских этнографов.

Настоящий вопросник является результатом коллективного труда членов диалектологической лаборатории Института языкознания ПАН. Научный редактор профессор В. Дорошевский подчёркивает, что вопросник служит прежде всего для исследования лексики говоров, и в этой области интерес-

¹ Pracownia Dialektologiczna Zakładu Językoznawstwa PAN w Warszawie.

² Kwestionariusz do badań słownictwa ludowego, Wrocław, 1958 r.

³ Tarnacki Józef, Kwestionariusz do badań słownictwa ludowego w zakresie kultury materialnej, Seminarium Języka Polskiego U. V., 1933 r.

⁴ Kwestionariusz do badań słownictwa ludowego, Wrocław, 1958 r., zeszyt I, str. 13.